

Концепт «другого» в праве: философский анализ

The concept of "other" in law: philosophical analysis

Комлев А.Е.

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия
e-mail: almaskom@mail.ru

Komlev A.E.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Saratov state law Academy
e-mail: almaskom@mail.ru

Аннотация

Становление личности в социуме предполагает взаимоотношения с другим в рамках правовой реальности. Ориентация на другого в области права предполагает допущение его самостоятельного бытия в качестве ценности. В пространстве правовой intersубъективности происходит обретение участниками взаимоотношений своего «лица», обращение к глубинным ценностям личности.

Ключевые слова: концепт «другого», признание другого, право, ценности, личность.

Abstract

The formation of a personality in society presupposes a relationship with another within the framework of legal reality. Orientation to the other in the field of law presupposes the assumption of his independent existence as a value. In the space of legal intersubjectivity, the participants of the relationship acquire their "face", appeal to the deep values of the individual.

Keywords: the concept of "other", recognition of the other, law, value, personality.

В отечественной философии права, которая с самого начала стала заниматься поиском его онтологических оснований, интерес к личности другого также имел исходные посылки, но не в виде чистого сознания или «я», а в виде чувствования мира и осознания этой общности. Русский философ В.И. Несмелов в конце XIX в. писал о том, что «начальный мир сознания может определяться в самом сознании не как субъективный и не как объективный, а только как существующий» [цит. по: 4, 117]. Н.О. Лосский усматривал недостаток докантовского эмпиризма и рационализма в предельной дистанцированности и обособленности «Я» и «не-Я», субъекта и внешнего ему мира (объекта): по мнению сторонников докантовского эмпиризма я и не-я обособлены друг от друга так, что состояния мира «не-я» не могут входить в состав знания, принадлежащего «не-я». По этой причине «другой» не способен войти в область моих знаний как один из предметов внешнего мира иначе, нежели в качестве зрительного пятна.

Субъективность другого не доказывается и не выводится из чувственного опыта. О том, сколько раз следует прощать, игнорируя опыт прошлого, известно из евангельской притчи. Признание в другом человеке его «я» является парадигмой собственного существования. Оно предполагает обнаружение в самом себе

способности «предоставлять кредит», доверяться другому с определенными правовыми гарантиями своего участия в другом, либо без таковых. В последнем случае речь идёт о безусловном доверии, что имеет место быть и в правовых отношениях.

Вовлечение себя в другого принципиально отлично от регламентированного моральными нормами взаимодействия, где другой представлен «любим другим»: если первое заставляет меня испытывать удивление собственным бытиём, восхищение им, радость, страх, обеспокоенность, обиду и заботу, то второе доставляет мне уверенность в незыблемости моего анонимного бытия: с «любим другим» я сам лишь безымянный «некто», гносеологически «тот». Однако посредством личности другого я нахожу себя в бытии иным, и это иное для меня, чьё бытие исчезает в самотождественности наличного («я» и «моего»), имеет безусловную онтологическую ценность [3, 210].

Единственность другого раскрывает уникальность моего бытия: мы оба обретаем собственные имена, а порождённая нашим общением действительность свою единственность получает в форме неповторимого исторического события. Я вступаю в доверительные отношения с другой личностью («ты») от своего имени и несу обязанность называть себя каждый раз, когда речь идёт об ответственности. В моральном смысле я всегда принадлежу роду, сокрыт под фамилией, «некто» в маске, один наряду с другими, исполнитель социальной роли, анонимный представитель народа, однако в области права, где субъектность составляет эстетический выбор другого, я всегда «кто». Другой принимается мною в той мере, в которой помогает мне сохранить достойный образ самого себя. Предельное дистанцирование друг от друга, характерное для состояния вражды, делает неразличимыми наши имена и разрушает всякие социальные связи. В предельной вовлечённости друг в друга растворяются очертания «моего» и «другого»; коль скоро этот способ бытия принадлежит не одному мне и не только другому, порождённая новая сущность («мы»), с именем которой я участвую в совместном бытии, как нечто третье способна стать образом, идеей, институтом и обрести признаки юридического лица – институциональной формы нашего единства.

«Лицо» - одна из ключевых юридических категорий с древних времен. Ещё квинтское право (древнейший пласт римского права) нашло её в форме понятий «*persona sui iuris* (лицо своего права)» и «*persona alieni iuris* (лицо чужого права)». Один из трёх разделов важнейшего памятника римского права «Институции» Гая неспроста имеет название «Лица»: согласно Гаю, вся юридическая материя структурируется вокруг трёх концептов: лиц, вещей и исков. Законодательство и последующие профессиональные юристы, включая современных, охотно и даже «полуавтоматически» говорили и говорят «лицо» там, где философ, скорее всего, сказал бы «личность» или «человеческий индивидуум».

Философия права, как и антропологически ориентированная философия в целом, также отводит «лицу» не последнее место. «Будь лицом и уважай других в качестве лиц» [2, 98], – гласит первичное веление абстрактного права у Г. Гегеля. Значит, абстрактно-правовое рассмотрение, т.е. рассмотрение, отвлекающееся от всего, от чего оно может отвлекаться, оставаясь правовым, от лица отвлечься не может. Не потому ли, что лицо – простое соотношение воли с собой в своей единичности – есть начальный момент личности, когда «субъект имеет самосознание о себе как о совершенно абстрактном Я, в котором всякая конкретная ограниченность и значимость отрицаются и признаются незначимыми» [2, 97]? Будучи некой простотой самотождественности, лицо – простота относительная, простота как момент и залог сложности. В качестве индивида человек единичен и конечен подобно любому предмету, а в качестве лица он существует сам для себя и знает об этом. Поэтому внутри своей единичности он бесконечен и свободен:

ничто не стоит перед ним как чистой личностью. Ничто, кроме других таких же внутренне бесконечных единичностей, чьи столкновения высекают искры качеств, придающих каждой более конкретную внешнюю и внутреннюю определённую.

Субъективное право, будучи принадлежностью одного участника правоотношения, постулирует ценность и субъективность «ты» (другого) из предположения некоторой общности. Соответственно, нарушение моего права, что в онтологическом смысле представляет собой утрату контрагента, может быть восстановлено лишь воссозданием единства с «ты», поэтому индивидуальная защита права, как и обособленное, от других приближение к Абсолюту, оказывается невозможной. Требование о восстановлении нарушенного права не может быть непосредственно адресовано контрагенту, воля которого в том и состояла, чтобы совершить правонарушение либо разорвать прежние отношения. Если защита права возможна как восстановление разрушающегося единства с «ты», она неизбежно сопряжена с призывом контрагента к единству и последовать может лишь от имени и во имя этого единства, которое оба участника рассматривают как гарантию своего инобытия. Тогда принуждение к исполнению права исходит от третьей стороны (выступающей по отношению к субъектам правоотношения в виде власти), не от другого, противостоящего мне контрагента, а из глубины меня самого, недомогающего от разлуки с объективированным в другом собственным содержанием («моим»). Субъективное право перед лицом институционно организованной власти, утрачивая свойства привилегии, предполагает самостоятельную и не опосредованную чьей-то волей юридическую связь личностей – гражданство. Для этой модели правоотношений характерна подчинённая роль власти: сама власть воспринимается как механизм реализации права.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что только личность выступает полноценным субъектом права. Она никогда не способна стать субъектом полномочия, в котором следует усматривать юридическую форму принуждения организованного взаимодействия людей. Правовое полномочие производно от компетенции, которой наделён какой-либо властный орган. Личность, наделённая полномочиями, выступает, как правило, не от своего имени. В этой правовой ситуации, скорее всего, мы имеем перед собой должностное лицо, представителя власти. Характеристика конкретного лица в качестве субъекта правоотношения совсем не обязательно предполагает наличие у него онтологического статуса, связанным с реализацией правоотношения. Правовые категории «потерпевшего», «правонарушителя», «беженца», «опекуна» и т.д. обладают бытийным смыслом только в случае совпадения юридически значимых свойств того или иного субъекта правоотношения с их реальным личностным проявлением. Н.Н. Алексеев писал: «Лицо как носитель правовой деятельности совершенно исчезает, коль скоро юридическая теория начинает говорить о правоспособности, о юридическом лице, об отвлеченном правоотношении и т.п. Во всех этих случаях быть субъектом права или носить право отнюдь не означает быть юридическим деятелем» [1, 83]. Это обстоятельство не должно дезориентировать нас в вопросе о юридических лицах как правовых фикциях: субъекты права с фикциями в отношении не вступают, но посредством правовых инструментов, в том числе и предположений о существовании неких «юридических лиц», достигается с различными модусами долженствования дифференцированное взаимодействие субъектов права.

Современный политологический центризм воспринимает власть как средоточие социума, в котором только посредством правовых институтов оказывается возможным общение личности с личностью. Многовековая практика политического отчуждения в итоге навязала человечеству ложное ощущение,

будто человек общается с властью как самостоятельным субъектом, за которым не просматривается никакого личностного содержания. Мы склонны себя рассматривать как посредников в реализации государственной воли, между тем как сама власть во все времена могла претендовать лишь на роль посредника в общении людей между собой. Неспособность власти выполнять эту роль, по причине чего «другой» оказывается за пределами досягаемости в социальном общении, обращает нас к проблеме её легитимации.

Второй вывод заключается в том, что право не свойственно человеку, не открывшему в себе субъективность, т.е. не испытывающему нравственную ответственность за то, кто он есть и в каком мире он, следуя его законам, живёт. Безразличный к собственной судьбе, человек не может быть мотивирован нравственными побуждениями. Готовый к тому, чтобы жить в любом обществе, сотрудничать с любой властью и следовать каким бы то ни было авторитетным предписаниям, он оказывается неплохим исполнителем чужой воли, к нему в полной мере могут быть применимы слова К. Маркса о сущности человека («совокупность общественных отношений»). Однако, отчужденная от самой себя, такая личность не способна встать в оппозицию ни к обществу, ни к самой себе, и тогда непонятно происхождение той реальной силы, которая движет историей и побуждает человека к обновлению социальных форм своего бытия. Личность оказывается отъединённой от любого события, участником которого в силу обстоятельств ей приходится быть. В этом случае отношение к праву с её стороны может быть лишь провинциальным, поскольку личность расположена на периферии исторического пространства и не узнаёт мир как собственную предметность.

Способность к овладению языком правовых суждений определяется степенью доверия к другому. Мир, в котором место другого человека, имеющего своё «я», занимает враг, к «я» которого не питаем ни малейшего интереса (и потому об этом не размышляем, даже не допускаем такой постановки вопроса), оказывается ареной борьбы, где праву отведена незначительная роль – постулировать право каждого на добычу и расправу со своим врагом. По мере того, как другой человек начинает восприниматься как моральный и нравственный субъект, меняется логика права и аксиоматические основания правовых суждений.

В словосочетании «я-другой» дефис является концептуальным знаком, представляющим понятие *признания*. Данное понятие характеризует «акты взаимного опознания лицами друг друга как узлы в сети юридического универсума» [7, 33]. Русский правовед Н.Н. Алексеев выводил признание другого из свойственной правосознанию интеллектуализированной интенциональности: «Право есть «интеллектуальный» подход к ценностям, а не эмоциональный. Но в то же время право есть область ценного». Соответственно, «признание» определяется как «особое отношение к ценностям, сводящееся к установлению интеллектуального общения с ними» [1, 70-71]. Ориентация на другого в области права предполагает допущение права на самостоятельное бытие за некоторой ценностью.

Принятие другого в праве выражается в том, «что человек, усмотрев с очевидностью его объективное содержание и его объективное значение, добровольно вменяет себе в обязанность соблюдение его правил и воспитывает в этом направлении не только свои сознательные решения, но и свои непосредственные, инстинктивные желания и порывы» [5, 136]. Человек совершает этим своеобразное духовное приятие права, и это приятие требует зрелости ума и воли, особого равновесия души, поскольку оно должно совершиться с отчетливым сознанием всегда возможных несовершенств существующей правовой системы. Такое приятие должно быть зрячим, свободным от идеализации и потому

непрерывно творческим, преобразующим, и именно поэтому оно требует стойкости, выдержки и волевой дисциплины.

Подлинный другой появляется только тогда, когда человек пытается понять в чём смысл другого, на основе того, как он существует, а не на основе того, что его окружает. «Мы идентифицируем себя с массой окружающих нас вещей, среди которых мы всегда выделяем «свои» среди «чужих»» [6, 54]. Субъект может познать другого только тогда, когда будет способен обнаружить собственную подлинность. Нельзя сказать, что мы будем уверены в собственном гармоничном существовании, только ориентируясь на свой опыт, и на этой фазе вступает в свою активно-позитивную роль право. Право ограничивает наше стремление ориентирования на деятельную природу другого. Роль права особенно актуальна именно в этом аспекте.

Возрастание роли права стало возможным именно благодаря процветанию деятельного аспекта человеческого бытия. Необходим хоть какой-то регулятор в отношениях различных действующих субъектов. В «эпоху» кризиса внутренних ценностей, «нехватки бытия» право становится особенно актуальным. Поскольку деятельность – необходимый атрибут бытия человека, определённые законы и правила будут всегда полагать границу действиям. Создавая правовую систему, человек не боится того, что ориентация каждого субъекта на свои самобытные ценности приведёт к каким-то негативным последствиям. Напротив, нравственное самообретение личности всегда считалось на Руси основным регулятором поведения человека и почиталось куда более различных законов.

Правовая система в современном обществе становится всё более разветвленной и казуистичной из-за страха произвола человеческой деятельности, не обременённой никакими бытийно-ценностными посылками. Несколько веков назад люди и помыслить не могли о таком количестве законодательных актов, которые существуют и принимаются сегодня. Но повседневная жизнь от этого не упростилась, а криминальная ситуация не улучшилась. Быть может, выход нужно искать не в постоянной погоне за контролем «продукции» деятельной основы бытия человека, а в акцентировании внимания на самобытности каждого человека и необходимости обращения к его ценностям.

Литература

1. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. - СПб.: Изд. юрид. ин-та., 1999. - 216 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.
3. *Друскин Я.С.* Я и ты. Ноуменальное отношение // Вопросы философии. 1994, №9. - С. 207-213.
4. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Том 2, часть 1. - Л.: «ЭГО», 1991. - 220 с.
5. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. Соч. в 2 т. Т. 1. - М.: Рарогъ, 1993. - 235 с.
6. *Неважай И.Д.* Свобода и знание. – Саратов. Саратовская государственная академия права: ред.-издат. отдел. 1995. – 204 с.
7. *Синченко Г.Ч.* Философско-правовые облики человека. - Омск: Омская академия МВД России, 2001. - 240 с.